

ЛИЛИЯ ТИМОЛАЕВА

ВРАЧ-
ПОПАДАНКА
И
ПРОКЛЯТИЕ
ГЕНЕРАЛА-ДРАКОНА

Лилия Тимолаева

**Врач-попаданка и
проклятие генерала-дракона**

«Литнет»

2026

Тимолаева Л.

Врач-попаданка и проклятие генерала-дракона / Л. Тимолаева —
«Литнет», 2026

Вторая книга дилогии. Читать после романа *Врач-попаданка для опального генерала-дракона*. Я уже выбрала генерала-дракона не по долгу, а по любви. Казалось, теперь можно просто жить, лечить и строить первый имперский военный госпиталь. Но письмо из южной провинции Ларден меняет всё. Молодой наследник умирает от болезни, которую не берут ни магия, ни обычное лечение: по его коже ползёт чёрный узор, в бреду он говорит на чужом языке, а каждый приступ будто открывает путь чему-то древнему и страшному. Я еду туда как врач. Мой муж — как дракон, который слишком хорошо чувствует старую охоту. И очень скоро становится ясно: это не просто чужая болезнь. Это удар по нему, по нашему госпиталю и по будущему, которое мы начали строить вместе. Чтобы спасти южного лорда, мне придётся войти в самую тёмную кровь юга. Чтобы спасти любимого мужчину — сделать выбор, после которого уже не будет дороги назад. Потому что на этот раз цена исцеления — не только кровь. На этот раз цена исцеления — мы сами. Аннотация опирается на ключевые элементы книги: письмо из Лардена, загадочную болезнь с чёрным узором, связь проклятия с драконьей кровью и удар по госпиталю и будущему героев.

© Тимолаева Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Письмо с чёрной печатью	5
Глава 2. Дорога на юг	11
Глава 3. Пациент, которого нельзя прочитать	17
Глава 4. Дом, где лгут все	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава 1. Письмо с чёрной печатью

Её ладонь ещё лежала поверх его руки, тёплая, живая, упрямая, когда в комнате воцарилась та короткая тишина, что бывает лишь между двумя людьми, уже слишком хорошо знающими цену чужим словам.

Генерал не убрал руку.

Только перевёл взгляд с её пальцев на лицо. Медленно. Так, будто хотел увидеть не шутку, не очередной спор ради спора, а то, что стояло за этой фразой на самом деле.

В его светлых глазах ещё не угасло напряжение, поднятое письмом. Но под ним уже тлело другое — знакомое ей до опасной ясности. Тёплое. Почти насмешливое. И всё равно сильнее любого слова.

— Смело, — сказал он наконец. — Особенно если учесть, что в прошлый раз твоя карета началась с раненого кадета и закончилась крепостью, полной заговорщиков.

— В прошлый раз карета была не моя, — тихо возразила она.

Уголок его рта дрогнул.

Не улыбка даже. Её тень. Та самая, от которой внутри у неё всякий раз становилось одновременно тревожно и странно спокойно. Будто мир по-прежнему оставался опасным, но теперь эта опасность уже не стояла против неё — стояла рядом.

Он перевернул её ладонь и на короткое мгновение сжал пальцы.

Совсем слегка.

И всё равно по её коже словно пробежал ток.

— Значит, — проговорил он, не отпуская, — мне хотя бы позволят ехать в твоей карете как мужу. Или для этого тоже понадобится отдельное разрешение?

Она хотела ответить сразу, легко, почти смеясь, но письмо лежало между ними на столе, и лёгкость надломилась, не успев родиться до конца.

Чернила на сложенном листе уже подсохли. Печать — тёмная, почти чёрная в свете лампы — казалась слишком тяжёлой для обычного вызова.

Она это чувствовала кожей.

Он — тоже.

— Мужу позволят, — сказала она тише. — Но не командовать.

— Вот это уже похоже на настоящую семейную жизнь.

Теперь он всё-таки отпустил её руку.

И сразу будто стало холоднее.

Она не любила замечать такие вещи. Не любила признавать, насколько быстро её тело привыкло к его близости, к его теплу, к этому сдержанному, почти грубому способу быть рядом. Но именно сейчас, в тишине кабинета, среди ламп, карт и бумаг, после суда, крови, огня, госпиталя и новой клятвы, это ощущалось особенно ясно.

Они действительно дошли до точки, из которой уже не было прежней жизни.

Не бумажный союз.

Не вынужденный брак.

Не временная близость на фоне катастрофы.

Они были вместе.

И потому письмо из Лардена лежало между ними не как чужая беда, а как вызов, уже обращённый сразу к двоим.

Она медленно подтянула лист ближе, снова развернула его и пробежала глазами строки, которые уже почти выучила.

Слишком молодой возраст пациента.

Слишком быстрый ход болезни.

Чёрный узор, расходящийся от груди к шее.

Речь на языке, которого никто не узнаёт.

Приступы жара, после которых кожа становится ледяной.

Ни магические плетения, ни южные лекари, ни семейные целители не дают результата.

«Миледи, если в столице не солгали о ваших знаниях и о том, что вы делали на севере, прошу — приезжайте, пока мой сын ещё узнаёт меня».

Она дочитала до этой строки снова и невольно задержала дыхание.

Не страх.

Правда не страх.

То самое чувство, которое она уже признала вслух самой себе минуту назад: предвкушение перед случаем, который не укладывается ни в один знакомый ряд.

Невозможный пациент.

Невозможная болезнь.

Невозможный шанс понять что-то новое там, где все остальные уже сдались.

Врач внутри неё поднял голову мгновенно и жадно.

Женщина — та, что уже слишком много прожила в этом мире и слишком хорошо знала цену каждой чужой беде, — отозвалась холоднее.

Слишком вовремя.

Слишком странно.

Слишком похоже на приглашение, написанное не только чернилами, но и чьей-то осторожной рукой за чужой спиной.

Генерал подошёл к окну. Не далеко. Всего на пару шагов. Но этого хватило, чтобы в его фигуре снова проявилось то, что она теперь распознавала безошибочно: когда он молчал вот так, глядя не на неё, а в темноту за стеклом, он уже переставал быть просто мужчиной, с которым она спорила, спала, делила стол и решения.

Он снова становился человеком войны.

Тем, кто складывал угрозы по запаху, по ритму, по нестыковкам.

За окном лежал двор госпиталя. Их госпиталя. Первый имперский военный, который ещё пах свежими досками, известью, горячим железом котлов, чистыми простынями и чужой надеждой. Во дворе догорали фонари. Где-то в дальнем крыле ещё кто-то работал — она видела движение в окне лазарета. Мир не уснул. Он просто на время замедлил дыхание.

— Что тебе не нравится? — спросила она.

Он не обернулся сразу.

— Всё.

Честный ответ.

Она даже не удивилась.

— Слишком короткое письмо? — уточнила она.

— Слишком вежливое.

Она подняла брови.

— Ты считаешь вежливость поводом для подозрения?

— В южных домах — да.

Теперь он всё же повернулся. Облокотился бедром о край стола, сложил руки на груди и посмотрел на неё так, будто спор они продолжали не словами, а взглядами.

— Если бы речь шла просто о больном наследнике, — сказал генерал, — к нам бы отправили просьбу через двор, через канцелярию, через императорского лекаря, через кого угодно, кто обязан соблюдать порядок. А не личное письмо ночью, наспех, с гонцом, который сменил трёх лошадей и умер бы от усталости, если бы его не заставили выпить бульон прежде, чем открыть рот.

Она поморщилась.

Да. Она тоже это заметила.

Гонца принесли почти на руках. Мужчина еле держался в седле, но письмо не отдал никому, пока не увидел её лично. И всё время оглядывался. Не как человек, спешащий за спасением. Как тот, кого по дороге могли остановить.

— И всё же они просят меня как врача, — тихо сказала она.

— Именно это мне и не нравится.

Она провела пальцем по краю листа.

Чернила в нескольких местах чуть расплылись, будто писавший торопился так, что рука срывалась. Бумага была дорогая, но помятая. Печать — неофициально глубокого цвета, почти чёрная вместо обычного тёмно-красного сургуча. Она отметила это раньше, но тогда мысль только мелькнула и утонула под самой сутью письма.

Теперь деталь вернулась.

И не одна она.

— Молодой лорд, — повторила она вслух, будто пробуя слова. — Чёрный узор. Известная речь. Магия не берёт. Обычное лечение тоже. Слишком быстрое ухудшение. Это или что-то, чего я действительно не знаю... или кто-то хочет, чтобы я в это поверила.

— И всё равно ты поедешь.

Это не был вопрос.

Она подняла на него глаза.

— Да.

Он выдохнул через нос. Почти бесшумно. Но она уже знала, что значит этот короткий, сдержанный звук. Не согласие. Не раздражение. Смирение с тем, что спорить бесполезно, потому что он и сам принял то же решение ещё раньше неё.

— Тогда поедем вместе, — сказал генерал.

— Я и не предлагала иначе.

Тут он всё-таки улыбнулся.

На этот раз заметнее.

Опасно.

По-настоящему.

— Хорошо, что ты это понимаешь до того, как мне приходится приказывать.

— Хорошо, что ты начинаешь различать приказы и очевидные вещи.

Она ожидала привычной словесной стычки, острой, быстрой, согревающей сильнее огня. Но он не ответил.

Просто подошёл ближе.

Слишком близко для разговора о дороге, пациентах и письмах.

Его ладонь легла ей на затылок, пальцы скользнули в волосы. Жест был короткий. Почти жёсткий. И оттого ещё опаснее.

— Я различаю, — сказал он тихо. — Просто мне не нравится, когда тебя зовут туда, где меня заранее хотят видеть слабым.

На этот раз в её груди дрогнуло не врачебное любопытство.

Другое.

То, что всегда начиналось с его голоса, когда он переставал играть в сухую насмешку и говорил вот так — просто, негромко, почти у самого её лица.

— Ты думаешь, дело не только в пациенте?

— Я думаю, — ответил генерал, — что слишком многие решили: если нас не удалось сломать на севере, нас можно попробовать выманить на юг.

Она хотела возразить. Хотела сказать, что не всё обязательно сводится к ловушке, что люди действительно болеют, что не всякая беда — часть заговора.

Но не сказала.

Потому что сама уже думала о том же.

Он заметил это по её лицу. Конечно, заметил.

— Вот именно, — проговорил он.

— Я ничего не сказала.

— Ты слишком явно не сказала.

Её губы дрогнули.

Потом она всё же отступила на полшага — не потому, что хотела, а потому, что если бы не отступила, разговор о письме закончился бы совсем не разговором. А сейчас было не время.

И всё же тело запомнило тепло его руки.

Она подошла к столу, снова взяла письмо и подняла его к свету лампы. Бумага просвечивала слабо. В одном месте — у сгиба, ближе к печати — что-то будто легло плотнее, чем должно.

— Смотри, — сказала она.

Он подошёл сразу.

Плечом почти коснулся её плеча.

Она не пошевелилась.

Лампа освещала лист снизу, и теперь на внутреннем сгибе действительно проступало нечто едва заметное — как вдавленный второй оттиск под основным текстом.

— Это не просто след от сургуча, — тихо проговорила она.

— Нет.

Генерал забрал письмо осторожно. Не рванул, не сломал печать грубо, а провёл ногтем по краю чёрного оттиска, словно боялся не испортить, а спугнуть.

— Кто-то запечатал его поверх старой метки, — сказал он.

— Или пытался скрыть прежнюю.

— И тоже не слишком аккуратно.

Она почувствовала, как у неё внутри снова поднимается то знакомое напряжение, которое всегда появлялось за секунду до важного понимания. Как у операционного стола, когда по одному лишнему симптому вдруг собирается вся картина.

Генерал взял нож для писем. Узкий, серебряный. Подцепил край чёрного сургуча.

Тот поддался не сразу.

Будто и в этом было что-то упрямое, чужое, неправильное.

Она смотрела, не отрываясь, как ломается верхний слой.

Чёрный.

Матовый.

Под ним проступил другой цвет.

Темнее красного. Старый. Почти бурый.

А потом — часть вдавленного знака.

Она застыла.

Сначала показалось, что это просто трещины.

Потом — нет.

Не трещины.

Линии.

Три тонких, сходящихся под углом, как когти.

Вокруг небольшого круга.

Не точная старая печать, не тот знак, который она уже видела когда-то на севере, среди яда, огня и мёртвых. Но слишком похожий. Так похожий, что ошибка становилась невозможной.

Он не сказал ни слова.

И в молчании рядом с ней это было страшнее любого проклятия.

— Покажи, — попросила она, хотя уже и так видела.

Он повернул письмо к свету.

Теперь знак проступал ясно.

Не герб дома.

Не обычная почтовая метка.

Символ, спрятанный под чужой печатью.

Изменённый.

Замаскированный.

Но живой.

У неё в груди будто что-то холодно щёлкнуло.

— Нет, — выдохнула она. — Только не это...

Он посмотрел на неё.

В его светлых глазах снова появилось то выражение, которое она ненавидела больше всего: не страх, не удивление, а узнавание слишком давнего врага.

— Это не старая печать, — сказал генерал очень тихо. — Старую я узнал бы сразу.

— Но это...

— Это кто-то, кто знал, какую метку использовать.

Она перевела взгляд на письмо.

На чёрный сургуч.

На поломанный верхний слой.

На когти вокруг тёмного круга.

И вдруг поняла ещё одну деталь — слишком поздно, но всё же ясно: письмо из Лардена не просто пришло к ним. Его отправили так, чтобы оно дошло именно к ним и только к ним.

Слишком точный выбор адресата.

Слишком точная болезнь.

Слишком знакомый знак под печатью.

— Они знали, что позовут меня, — сказала она.

— Да.

— И знали, что ты поедешь со мной.

Он не ответил.

Потому что ответ уже был между ними.

Конечно, знали.

В кабинете стало тихо.

Не той мирной тишиной, что рождается в доме после долгого дня.

Другой.

Острой.

Выжидательной.

Будто сама ночь за окнами прислушивалась.

Она медленно положила письмо на стол.

— Значит, мы всё равно едем, — сказала она.

Генерал не отвёл взгляда от скрытого знака.

— Теперь — тем более.

— Это может быть ловушка.

— Я заметил.

— Это может быть не один больной, а что-то большее.

— Я тоже заметил.

Она повернулась к нему всем телом.

— И ты всё равно поедешь.

Он наконец поднял голову.

И в его лице было то, за что она когда-то почти возненавидела его, а потом, слишком незаметно для себя, научилась доверять больше, чем собственной осторожности.

Жёсткость.

Решение.

Пламя, давно загнанное под кожу и потому ещё более опасное.

— Нет, — сказал он. — Мы поедем.

На одном слове.

На одной воле.

На одном письме, в котором под чужой печатью снова дышало прошлое, которое они считали сожжённым.

Она посмотрела на него — и вдруг очень ясно почувствовала сразу две вещи.

Первую: где-то далеко, в южной провинции, действительно может умирать мальчишка, которого ещё можно спасти только сейчас.

Вторую: Ларден звал не врача.

Ларден звал их обоих.

И старый враг уже знал, что они приедут.

Глава 2. Дорога на юг

От этой мысли в комнате будто стало теснее. Лампа горела ровно, в окне лежала тёмная глубина двора, госпиталь жил своей ночной жизнью, но всё это отодвинулось. Остались только письмо на столе, расколотая печать и мужчина напротив, в лице которого снова проступило то холодное, собранное выражение, с каким он когда-то входил в лазарет, пахнувший смертью.

Она первой отвела взгляд.

Не потому, что уступала. Потому что если смотреть на него так долго, когда между ними уже больше нет ни прежней вражды, ни прежней стены, мысли начинают путаться сильнее, чем после суток на ногах.

Она взяла письмо ещё раз и медленно разгладила пальцами край бумаги.

— Когда выезжаем?

Генерал ответил сразу:

— До рассвета.

Она кивнула. И именно эта простая готовность — без новых споров, без попытки переиграть неизбежное — почему-то ударила сильнее любых клятв. Они оба уже приняли одно и то же решение. Не обсуждали, кто кого удержит. Не искали, кому уступить. Просто встали по одну сторону опасности.

Это всё ещё было ново.

И потому — особенно хрупко.

— Я хочу посмотреть на гонца ещё раз, — сказала она. — И на его лошадей. Если его правда гнали так, как ты думаешь, это могло остаться не только на письме.

Генерал чуть наклонил голову.

— Посмотришь. Я хочу переговорить с тем, кто открыл ему ворота, и с дежурным писарем. Если письмо подменяли уже у нас, я хочу знать это до выезда.

— Думаешь, подменяли?

— Думаю, — сказал он, — что сегодня я не хочу недооценивать никого.

Она невольно усмехнулась. Без веселья.

— Поздно. Мы уже едем к людям, которые догадались звать нас именно так, чтобы я не смогла отказаться.

Он подошёл ближе. Не вплотную — достаточно, чтобы она снова почувствовала исходящее от него тепло.

— Ты бы всё равно не отказалась.

— Нет.

— Вот именно.

За сухостью его тона пряталось слишком многое, чтобы она не услышала. Тревога. Раздражение. Та скрытая ярость, которая всегда просыпалась в нём, когда угроза касалась не только его людей, но и её.

Она медленно сложила письмо.

— Тогда не будем делать вид, что у нас был выбор.

— Не будем, — согласился генерал.

Он вышел первым. Как всегда — без лишних слов, будто сама тишина должна была расступиться с дороги. Она задержалась только на миг: задуть лишнюю свечу, проверить, взяла ли нож для писем по привычке, хотя он был ей не нужен, и провести пальцем по кольцу на руке — старому, пережившему слишком много, и всё же теперь уже не похожему на кандалы.

Потом пошла за ним.

Госпиталь ночью пах иначе.

Не так, как на севере, где в воздухе всегда жило железо, снег и близкая смерть. Здесь было теплее, спокойнее, но она всё равно на ходу различала слои запахов: отвар для жаров, воск, свежую ткань, кровь, уксус, горячий бульон, усталость. Их дело уже дышало отдельно от них. Это было странное, почти физическое чувство — понимать, что из боли и страха первой книги выросло место, где людей теперь действительно вытаскивали.

И именно это место они оставляли за спиной ради нового неизвестного.

Гонца нашли в маленькой комнате у кухни. Он спал, если это можно было назвать сном: в одежде, поверх одеяла, с руками, вцепившимися в край стула, будто даже во сне боялся, что письмо у него отнимут. На столе рядом стояла пустая миска из-под бульона и кружка с водой.

Она присела на край лавки и взяла его за запястье.

Пульс был быстрым, но уже ровнее, чем раньше. Переутомление, обезвоживание, срыв от долгой скачки. Ничего смертельного — если не гнать его дальше.

На коже запястья виднелся тёмный след от ремня.

— Он держал письмо не в сумке, — тихо сказала она. — На руке. Почти всё время.

— Да, — ответил стоявший у двери молодой офицер. — Дважды просыпался и первым делом проверял, при нём ли печать.

Она подняла глаза.

— Он что-то говорил?

— Только одно, миледи. Что если опоздает, то «молодой господин перестанет слышать своё имя».

Фраза неприятно царапнула внутри.

Генерал, стоявший за её плечом, тоже это услышал. Она почувствовала, как изменился воздух, даже не оборачиваясь.

— Лошади? — спросил он.

Офицер вытянулся.

— Три загнаны почти насмерть. Одну пришлось сразу пустить под нож. На двух оставшихся — следы шпор так, будто их не жалели вовсе.

Она встала.

— Значит, спешили не напоказ.

— Или убегали, — сказал генерал.

Она обернулась к нему.

— Ты всё ещё думаешь, что зовут не за помощью, а в ловушку?

— Я думаю, — тихо сказал он, — что одно другому не мешает.

На это нечего было ответить. Потому что он опять был прав.

Сборы заняли меньше времени, чем она ожидала, и всё равно больше, чем ей хотелось. Пока будили нужных людей, пока отдавали приказы, пока подбирали охрану и спорили, кто останется за старшего в госпитале, ночь сдвинулась к рассвету. Она переоделась в дорожное платье без лишней тяжести, сверху надела тёмный плащ и убрала волосы так, чтобы они не лезли в лицо. На поясе у неё висела маленькая сумка с инструментами, к которой теперь рука тянулась так же естественно, как когда-то к карману халата.

Когда она вышла во двор, карета уже ждала.

Её карета.

Она остановилась на ступенях и прищурилась.

— Ты нарочно?

Генерал стоял у лошади и смотрел на неё слишком невинно для человека, у которого вообще никогда не бывало невинного лица.

— Что именно?

— Это не дорожная карета. Это передвижной лазарет.

— Ты жаловалась на прошлую.

Она спустилась ближе. И только теперь увидела всё как следует: внутри действительно убрали половину сидений, укрепили ящики, закрепили столик, ремни, запас ткани, сундук со склянками, котелок для воды, даже узкий подвес для лампы, чтобы та не билась на ухабах.

У неё в груди что-то дрогнуло. Слишком тепло для предрассветного двора.

— Я говорила, что в этот раз карета будет моя, — сказала она.

— Теперь она и есть твоя.

— Ты невозможен.

— Знаю.

Она подняла голову.

В полумраке перед рассветом его лицо казалось жёстче, чем днём. Но не холоднее. Под плащом угадывалась походная форма, на боку — оружие, за спиной — люди, готовые выехать по одному его движению. Он был уже в дороге ещё до того, как колёса тронутся.

И всё же, когда она подошла вплотную, он сам поправил у неё ворот плаща — быстрым, почти сердитым жестом.

— На юге теплее, — сказала она.

— Утром нет.

Её губы дрогнули.

— Ты всегда так заботишься или только когда уверен, что я всё равно не послушаюсь?

— Только когда уверен, — сухо ответил он.

И посадил её в карету сам.

Не театрально, не напоказ. Просто ладонью на талию, коротким движением, от которого она снова слишком остро почувствовала, насколько между ними всё изменилось. Раньше от одного его прикосновения тело этого мира вспоминало страх. Теперь — не только страх. И это было опаснее.

Они выехали, когда небо только начинало сереть.

Первые часы прошли в той странной дорожной тишине, где каждый звук кажется важнее, чем есть на самом деле: перестук колёс, тяжёлое дыхание лошадей, звон упряжи, шорох плаща, треск мороза, не успевшего ещё отступить перед южным днём. За окнами медленно менялся пейзаж. Северная сдержанность уходила назад: тёмные леса редели, земля становилась мягче по цвету, снег лежал не сплошным настом, а грязными клочьями по обочинам.

Она сидела напротив генерала, положив письмо на колени, и в который раз перечитывала несколько строк, будто между ними могло внезапно проявиться то, чего раньше не было.

Иногда он смотрел на неё.

Не спрашивал, о чём она думает.

И всё равно она знала, что он угадывает больше, чем ей хотелось бы.

— Покажи ещё раз место с описанием речи, — сказал он наконец.

Она молча протянула письмо.

Он читал быстро. Она следила за его лицом.

— Здесь, — сказал он через минуту. — «Во время приступов он повторяет одно слово, которое никто в доме не понимает». И дальше запись со слуха.

Она наклонилась ближе.

Мать больного или писавший за неё пытались передать звук так, как слышали: «**саэр-тах**».

Странное сочетание. Резкое. Чужое.

Она вслух пробовать не стала.

Почему-то не хотелось.

— Может быть имя, — сказала она. — Может быть просьба. Может быть бессмысленный звук на фоне горячки.

— А может быть знак.

Она подняла глаза.

— Ты видишь знаки во всём.

— А ты слишком часто видишь только пациента.

Она хотела возразить. Не стала. Потому что в этом упреке не было издёвки — одна лишь старая, уже знакомая боль их разницы. Она всё ещё смотрела на мир из точки, где сначала спасают, а потом спрашивают. Он — из точки, где спрашивать нужно раньше, иначе спасать будет уже некого.

— В этом и есть наша проблема? — спросила она тихо.

Он даже не улыбнулся.

— В этом и есть наша польза.

После этого надолго воцарилось молчание.

Она откинулась на спинку, закрыла глаза на минуту, но не уснула. Под веками всё равно вставал чёрный узор, тянущийся по чужой коже. Пациент, которого она ещё не видела, уже начал жить у неё внутри как задача. Слишком много неизвестного. Слишком мало времени. И где-то под этим — тонкая, царапающая мысль, что зовут её не только потому, что она врач, а потому, что кто-то уже понял: она идёт туда, где от неё зависят живые.

К полудню они сделали короткую остановку у почтовой станции. Лошади сменились, люди размяли ноги, один из охранников принёс горячую воду. Она заставила себя выпить бульон, хотя желудок был занят тревогой. Генерал съел меньше неё и выглядел при этом так, будто вовсе не чувствует усталости. Она знала: это ложь. Просто его тело давно привыкло скрывать предел.

Когда снова тронулись, день уже разогрел землю настолько, что по дорогам потянуло сыростью и прошлогодней травой. Ей даже показалось, что, может быть, первая половина пути пройдёт спокойно.

И именно тогда всё случилось.

Сначала она почувствовала это не глазами — телом. Как тогда, в скорой, за секунду до удара. Едва заметный сбой ритма. Слишком резкий крик птиц из лесополосы. Лошади передних всадников вдруг одновременно дёрнули ушами.

Генерал поднял голову мгновенно.

— Вниз, — сказал он.

Она не спросила почему.

Просто нырнула с сиденья в сторону как раз в ту секунду, когда что-то тяжёлое ударило в борт кареты. Дерево взвизгнуло. Снаружи заржала лошадь. Кто-то крикнул.

Стрела.

Вторая вонзилась в ставню там, где её голова была мгновением раньше.

Карета рванула вбок. Генерал уже был у двери, распахивая её плечом.

— Не выходи! — бросил он.

Она выругалась сквозь зубы.

Снаружи мир превратился в шум: копыта, металл, короткие команды, человеческий крик. Не паника — бой. Быстрый, сдавленный, слишком близкий.

Она схватилась за край сиденья, чтобы не вылететь на повороте, и увидела, как через открытый проём один из нападавших вынырнул почти под колёса — в сером дорожном плаще, с закрытым лицом, слишком лёгкий для обычного разбойника и слишком уверенный в движении.

Не грабители.

Те, кто ждали именно эту карету.

Охранник ударил его саблей, тот ушёл в сторону с привычкой обученного бойца. На миг их взгляды пересеклись.

И в этот миг она поняла: лицо под повязкой молодое. Почти мальчишеское.

У неё внутри холодно сжалось.
Не время.

Но в теле врача время всегда ломалось неправильно. Она всё равно видела не только угрозу, но и возраст, и линию плеч, и то, как этот человек дышит слишком коротко, будто уже ранен ещё до удара.

Генерал оказался рядом с ним быстрее, чем она успела вдохнуть. Клинки столкнулись. Нападавший резко подался назад, и в движении из-под плаща мелькнул знак на внутренней стороне запястья — не печать, не татуировка, а след ожога в форме трёх расходящихся линий.

Таких же, как на письме.

Она рванулась к двери.

— Сиди! — рявкнул генерал, даже не оборачиваясь.

Её злость вспыхнула мгновенно и бесполезно. Потому что прямо сейчас он был прав. Она без оружия в середине дороги никого бы не спасла. Только добавила бы ему ещё одну точку боли, за которую пришлось бы драться.

Нападавший сделал ложный выпад, метнулся в сторону, но один из охранников успел подрезать ему путь. Мужчина оступился, и генерал ударил коротко, без лишнего размаха. Тот рухнул на одно колено, потом на бок.

Остальные уже отходили. Слишком быстро. Слишком слаженно. Как люди, чья задача была не перебить отряд, а проверить, насколько хорошо их ждали.

Лес снова затихал.

Только лошади ещё били копытами и хрипло тянули воздух.

Она спрыгнула на землю раньше, чем кто-то успел её остановить.

— Я сказала не выходить, — бросил генерал.

— А я уже вышла.

Он повернул к ней голову. На щеке — тёмный след чужой крови, под плащом сбилось дыхание, но глаза были ясные, слишком светлые, злые. Живой. Целый.

Только после этого она позволила себе вдохнуть по-настоящему.

— Ты ранен?

— Нет.

— Врёшь?

— Нет.

Она уже стояла на коленях у лежащего нападавшего.

Молодой. Совсем молодой. Под плащом — не лохмотья разбойника, а добротная тёмная одежда без гербов. На боку — короткий клинок. Под ключицей быстро растекалось тёмное пятно. Рана была смертельной. Она увидела это сразу.

И всё равно потянулась к нему.

По инерции. По проклятой своей сути.

Мальчишка дёрнул головой, пытаясь сфокусировать взгляд. Она сдёрнула с его лица повязку. Бледные губы, резкие скулы, на виске — пот. Не южанин и не северянин — лицо из тех, что могли потеряться где угодно.

— Не двигайся, — сказала она глупо. Почти зло. — Слышишь? Не двигайся.

Он смотрел не на неё.

На генерала.

Тот подошёл ближе и остановился так, что тень от него упала поперёк дороги.

— Кто вас послал? — спросил он.

Парень усмехнулся.

Кровь выступила у него на губах.

— Вы... всё равно... едете, — выдохнул он.

Она прижала ладонь к ране. Бесполезно. Слишком глубоко. Но руки уже делали это раньше рассудка.

— Замолчи и дыши, — бросила она.

Он наконец перевёл взгляд на неё.

И в этих мутнеющих глазах не было ни страха, ни ненависти.

Только странное, почти жалостливое узнавание.

Как будто он видел её не впервые.

— Поздно, миледи, — прошептал он.

Генерал присел на корточки напротив. Лицо у него стало неподвижным до жути.

— Слово, — сказал он. — Только одно слово, и, возможно, я дам твоим людям уйти дальше.

Ложь.

Они оба это знали.

Парень закашлялся. На губах проступила кровь — не чёрная, обычная. Живая.

Потом он вдруг нахмурился, будто прислушивался к чему-то внутри себя.

И произнёс едва слышно:

— Саэр... тах...

У неё пальцы похолодели прямо на его крови.

Тот же звук.

То же слово из письма.

Не случайность.

Не горячечный бред одного больного южного лорда.

Парень дёрнулся ещё раз, судорожно втянул воздух — и обмяк.

Она застыла над ним.

Дорога, лес, охрана, лошади — всё на мгновение ушло в глухой фон.

Осталось только это слово, всё ещё звучащее у неё в голове.

Саэр-тах.

То же самое, что повторял в приступах человек, которого они ещё даже не видели.

Она медленно подняла голову.

Генерал уже смотрел на неё.

И по его лицу было ясно: он тоже понял.

Это не просто засада.

Их ждали люди, которые знали о больном в Лардене слишком много.

Или были связаны с тем, что его убивало.

Ветер прошёлся по дороге, задел край её плаща, запахнул на миг её в холод и кровь.

Она встала.

С колен медленно, потому что тело вдруг стало тяжелее собственного веса.

— Теперь ты всё ещё думаешь, что это может быть просто болезнь? — спросил генерал.

Она посмотрела на мёртвого мальчишку у своих ног. Потом — на письмо, всё ещё спря-
танное у неё за поясом. Потом — на дорогу, уходящую на юг.

— Нет, — ответила она тихо. — Теперь я думаю, что мы едем прямо в её сердце.

Глава 3. Пациент, которого нельзя прочитать

После этих слов на дороге стало так тихо, будто даже ветер решил не вмешиваться.

У её ног лежал мёртвый мальчишка с чужим словом на губах. Кровь темнела на сырой земле, впитывалась в прошлогоднюю траву, в пыль, в колею. Лошади всё ещё нервно дышали. Где-то дальше по дороге один из людей генерала добивал раненую лошадь коротким, тяжёлым ударом, и этот глухой звук неприятно отозвался у неё под рёбрами.

Генерал не отвёл от неё взгляда.

В его лице не было ни удивления, ни попытки успокоить. Только та жёсткая, предельно собранная ясность, которая появлялась в нём в минуты, когда мир окончательно переставал притворяться безопасным.

— Тогда не трать больше ни минуты, — сказал он.

Она кивнула.

И всё же прежде, чем выпрямиться окончательно, заставила себя ещё раз посмотреть на убитого.

Молодой. Слишком молодой. Не разбойник, не случайный наёмник из дорожной грязи. Ногти чистые. На руке — старый мозольный след от оружия, но без грубой, крестьянской тяжести. Ткань одежды добротная, хоть и без знаков дома. Пояс собран удобно, с привычкой человека, которого с детства учили двигаться быстро. И ожог на внутренней стороне запястья — слишком правильный, чтобы быть случайным.

Три расходящиеся линии.

Тот же знак, что под печатью.

Тот же след старой тьмы, которая, как им казалось, уже была добита и сожжена.

Она потянулась к его руке, развернула запястье чуть сильнее и услышала за спиной шаги генерала.

— Запомнила? — спросил он.

— Уже.

— Тогда оставь.

Она не сразу отпустила мёртвую руку.

Врач внутри неё всегда ненавидел этот момент. Когда от человека уже ничего не остаётся, кроме информации. Кроме улики. Кроме тела, которое больше никому не поможет, но ещё может что-то сказать о тех, кто послал его на смерть.

Она поднялась.

Колени неприятно заныли. Ладони были в чужой крови, ветер тут же высушил её липкой коркой на коже.

— Сколько их было? — спросила она.

— Пятеро, — ответил один из офицеров. — Один здесь. Один ушёл раненым, кровь взяли по следу. Остальные в лес. Недалеко должна быть вторая лошадь или укрытие. Они не рассчитывали на долгий бой.

— Они и не должны были, — сказал генерал.

Она повернулась к нему.

— Проверка?

— Проверка. Или приветствие.

Её передёрнуло.

Он заметил. Конечно.

— Поедем, — сказал генерал уже тише, только для неё. — Чем дольше стоим, тем больше даём им времени подготовить вторую встречу.

Она глянула на дорогу, тянущуюся вперёд между редющим лесом и серым, будто выцветшим небом. На юг. К пациенту. К дому, который слишком спешно звал врача и слишком точно встречал засадой.

И пошла к карете.

Внутри ещё пахло деревом, маслом, железом и её собственными дорожными запасами. Но теперь к этому примешался резкий металлический дух боя, ворвавшийся через распахнутую дверь, и тонкая кислая нота страха, которая всегда оставалась в теле после удара — даже если ты успел увернуться.

Она села, сжала пальцы, заставляя их перестать дрожать.

Через мгновение генерал поднялся следом.

Дверь захлопнулась. Снаружи пошли короткие команды. Колёса качнулись. Карета снова тронулась в путь.

Она сидела молча.

Слишком молча.

Это он тоже почувствовал.

— Ты думаешь о мальчишке, — сказал генерал.

Не вопрос.

Она отвернулась к окну, за которым медленно поползли назад деревья.

— Я думаю о том, что они всё ещё вербуют молодых.

— Да.

— И о том, что он знал это слово.

— Да.

— И о том, что больной в Лардене, возможно, не просто повторяет чужой бред, а связан с ними напрямую.

Генерал помолчал.

— Именно поэтому мы едем быстрее.

Она перевела взгляд на свои ладони. Кровь успела подсохнуть в тонких линиях кожи. Ткань на сиденье рядом была уже испачкана бурым следом от её пальцев.

Он потянулся, взял со столика флягу и сложенную ткань, молча протянул ей.

Она приняла.

Вытерла руки небрежно, почти зло.

— Мне не нравится, что нас опять ведут.

— Меня это тоже не радует.

— Нет, тебя это бесит.

Угол его рта чуть дёрнулся.

— Рад, что ты начинаешь различать оттенки.

Она не ответила.

Потому что он был прав. И потому что за сухим ответом всё равно слышалась та же натянутая, скрытая ярость, что всегда появлялась в нём, когда кто-то пытался превратить их в фигуры на чужой доске.

Карета покачивалась мягче прежнего. Он действительно устроил её как маленький походный лазарет, и это сейчас раздражало её почти так же сильно, как трогало. Потому что замечать такие вещи в середине опасности было небезопасно. Очень небезопасно.

Она положила ткань в сторону.

— Когда остановимся, я хочу ещё раз посмотреть письмо, — сказала она. — И ожог на запястье у нападавшего. Если будет возможность вернуться за телом.

— Не будет.

Она вскинула голову.

— Почему?

— Потому что к тому времени там уже никого не останется. Или останутся те, кто хотел, чтобы мы его не допросили.

Ей это не понравилось.

Но возразить было нечем.

Они ехали до сумерек почти без остановок. Менялась земля, воздух, свет. Северная жёсткость осталась далеко за спиной. Дорога стала шире, поля — богаче, деревни — реже, но добротнее. Вечером ветер уже нёс не ледяную сухость, а сырую тяжесть воды и нагретой земли. Где-то далеко один раз потянуло цветущими кустами, и этот запах в их карете, полной стали, писем и тревоги, показался почти неуместным.

На ночлег они встали только в укреплённом дорожном доме имперской почты.

Он был слишком тесным для настоящего отдыха и слишком надёжным, чтобы искать другое.

Её комната оказалась маленькой, с узкой кроватью, тазом, кувшином воды и тяжёлой ставней на окне. Она вошла первой, огляделась автоматически, как всегда теперь оглядывалась в любом новом помещении. Угол. Окно. Дверь. Замок. Следы на полу. Ничего явного.

Генерал вошёл следом, словно и не думал оставлять её одну до тех пор, пока сам не убедится, что стены не попытаются укусить.

— Я похожа на того, кого нужно лично запирать в комнате? — спросила она устало.

— Ты похожа на человека, который после засады может решить, что ему обязательно надо спуститься в кухню и проверить, чем пахнет суп.

Она открыла рот.

И закрыла.

Потому что именно это и собиралась сделать.

Он увидел ответ у неё на лице и чуть склонил голову.

— Вот именно.

— Это невыносимо.

— Зато удобно.

На миг у неё хватило сил только на то, чтобы посмотреть на него с чистой, безыскусной злостью. Потом злость надломилась — слишком усталая для настоящего огня.

Он подошёл ближе.

Очень близко.

На ней всё ещё был дорожный плащ, волосы давно выбились из причёски, под глазами наверняка легли тени, а внутри вместо бодрости осталась одна сжатая струна.

Он снял с её плеч застёжку плаща сам.

Жест вышел таким будничным, что у неё на миг сбилось дыхание сильнее, чем от любой нарочитой нежности.

— Ты молчишь, — сказал он.

— Я думаю.

— Слишком громко.

Она закрыла глаза на секунду.

— Мне не нравится ехать к больному, зная, что нас уже попробовали встретить оружием.

— Мне тоже.

— И мне не нравится, что это слово звучит сразу в двух местах.

— Мне тоже.

Она распахнула глаза.

— Хватит со мной соглашаться.

— Тогда перестань быть правой.

На это она всё-таки фыркнула. Устало, безрадостно, и всё же живо.

Его ладонь коротко коснулась её щеки. Не ласка даже. Проверка, здесь ли она ещё, не разошлась ли окончательно швами после дороги, боя и внутреннего напряжения.

— Спи хотя бы несколько часов, — сказал он. — В Ларден ты должна приехать врачом, а не тенью врача.

— А ты?

— Я и так давно не человек.

Это было сказано почти ровно. Почти насмешливо.

И всё же ей не понравилось.

— Не шути так.

В его глазах мелькнуло что-то быстрое, тёмное.

Потом он наклонился и коснулся её лба губами.

Коротко.

Сдержанно.

Слишком по-настоящему.

— Попробую, — сказал он.

Утром они снова были в дороге.

К полудню следующего дня она впервые увидела Ларден.

Юг оказался не тем, чего она ждала.

Не ослепительно-золотым, не мягким, не щедрым в том простом, открытом смысле, который обычно вкладывают в это слово. Южная провинция встретила их тяжёлым небом, широкой рекой, медленно ползущей между тёмных берегов, виноградниками на склонах, уже только начинавших зеленеть, и длинными каменными домами с красноватыми крышами, которые отсюда, издалека, казались почти игрушечными.

Но над всем этим висело что-то неправильное.

Не в воздухе даже — в ритме.

Слишком мало людей на дороге у города.

Слишком плотно закрытые ставни в богатых домах.

Слишком много стражи на внешнем дворе усадьбы, к которой их повели без единого лишнего слова.

Дом Лардена стоял на приподнятом холме за городской стеной, обращённый фасадом к реке, будто хотел смотреть сразу на воду и на дорогу. Светлый камень, широкие лестницы, галереи, чугунные фонари, узкие тени от колонн. Красиво. Дорого. И совершенно лишено тепла.

Она заметила это сразу.

Генерал — тоже.

Когда они вышли из кареты, их уже ждали.

На верхней ступени стояла женщина в чёрно-золотом платье, высокая, сухая, с тем лицом, которое когда-то, возможно, было красивым, а теперь стало только властным. У её правой руки — молодой мужчина лет двадцати пяти, слишком безупречно одетый для человека, у которого брат умирает. У левой — молчаливый капитан стражи с перебитым носом и глазами, в которых не было ни грамма почтительности. Ниже, чуть в стороне, ждала очень старая женщина в серой одежде без всяких знаков — сухая, как высохший корень, с лицом, исчерченным морщинами до почти каменной неподвижности.

Именно на старуху героиня посмотрела первой.

Не на хозяйку дома.

Не на брата больного.

Не на стражу.

Потому что именно старая женщина не смотрела на приехавших как на спасение.

Она смотрела так, будто ждала подтверждения давно нехорошей мысли.

— Леди, — произнесла хозяйка дома, когда они подошли ближе. — Лорд-генерал.

Голос у неё оказался красивым. Слишком красивым для матери, у которой сын бредит неизвестной речью и не узнаёт имени.

— Я — леди Ардена, — продолжила она. — Благодарю, что прибыли так быстро.

Генерал не склонил головы.

— По дороге нас попытались не пустить, — сказал он. — Значит, спешить действительно было нужно.

Взгляд молодой женщины дрогнул.

Совсем чуть-чуть.

Брат больного тут же вмешался:

— На южных дорогах хватает сброда. Мы сожалеем о случившемся.

— Я нет, — ответил генерал.

И этого хватило, чтобы воздух между ними стал ощутимо суше.

Она не стала влезать в первый же обмен ударами. Сделала шаг вперёд сама.

— Где ваш сын?

Леди Ардена перевела взгляд на неё. И впервые в её лице мелькнуло что-то настоящее. Не любезность. Не положение. Усталость, натянутая до боли.

— Наверху, — сказала она. — Приступы стали чаще. Сегодня утром он... он снова не узнал дом.

Этого было достаточно.

— Я хочу видеть его немедленно.

Молодой мужчина рядом с матерью улыбнулся. Слишком вежливо.

— Даже не отдохнув после дороги, миледи?

Она повернулась к нему.

— Если ваш брат доживёт до вечера, отдыхать я буду позже.

Улыбка с его лица не исчезла.

Но что-то под ней треснуло.

— Меня зовут Тариан, — сказал он. — Я младший сын дома.

— Очень рада, — отозвалась она ровно. — Теперь отойдите с дороги.

Старая женщина в сером тихо хмыкнула.

Едва слышно.

Но генерал это тоже заметил.

И именно он первым ответил на неозвученный вопрос:

— Моя жена будет осматривать больного сейчас. Я — тоже.

Слово «жена» прозвучало не как представление.

Как напоминание.

Как предупреждение.

И, судя по тому, как дрогнуло лицо Тариана, оно попало точно.

Их повели наверх.

Лестницы были широкими, ковры — слишком мягкими, воздух в доме пах смолой, сухими цветами, дорогим вином, горелым маслом ламп и чем-то ещё. Чужим. Тяжёлым. Сладковато-мёртвым.

Она почувствовала этот запах ещё на втором пролёте и замедлила шаг.

— Ты тоже? — тихо спросил генерал, не глядя на неё.

— Да.

Он ничего не сказал.

Но рука его на миг коснулась её локтя — коротко, почти невесомо, и этого хватило, чтобы она поняла: он тоже чувствует нечто неправильное. Не её врачебным чутьём. Своим, другим. Военским. Драконьим. Тем, что улавливало угрозу раньше имени.

Комната больного оказалась в дальнем крыле, за двумя закрытыми дверями и охраной, которой было бы достаточно для пленника, но не для умирающего юноши.

Это ей тоже не понравилось.

Когда двери открыли, жар ударил в лицо как ладонь.

Не обычное тепло комнаты. Настоящий жар. Плотный, удушливый, будто под потолком тлела невидимая печь. Шторы были задёрнуты, лампы горели даже днём, на столике стояли чаши с водой, в которых плавали потемневшие листья, а воздух дрожал от запаха пота, свечного дыма и ещё чего-то металлического, болезненно острого.

На кровати лежал мальчик.

Совсем мальчик.

Не ребёнок уже, но ещё и не мужчина. Худой, слишком высокий для своего возраста, с тёмными влажными волосами, прилипшими ко лбу, и заострившимся лицом, на котором болезнь уже оставила свой жёсткий, безошибочный след. Простыня сбилась до пояса. Грудь вздымалась быстро, неровно. Кожа на шее, ключицах и правом боку была покрыта узором.

Чёрным.

Но не просто чёрным.

Она замерла у самой постели.

Узор не лежал на коже пятнами, как от яда. Не напоминал сеть знакомой магической порчи. И не был похож на воспалённые сосуды или некроз. Он шёл тонкими ветвящимися линиями, местами будто уходя глубже, под кожу, местами проступая наверх как чужое письмо, которое тело не должно уметь читать.

Слишком правильный.

Слишком живой.

Слишком похожий не на болезнь, а на работу.

— Боги... — выдохнула она едва слышно.

Генерал остановился рядом, и она почувствовала, как в нём мгновенно напряглось всё. Не от жалости. От узнавания опасности.

— Это не яд, который мы видели раньше, — сказала она.

— Я уже понял.

Она опустилась на край постели и осторожно коснулась запястья юноши.

Кожа была ледяной.

Но от груди шёл жар.

Настоящий, внутренний, как будто внутри него одновременно жили два разных тела — одно сгоравшее, другое уже ушедшее в холод.

Пульс бился слишком быстро. И странно. Не рвано, а будто с провалами через равные промежутки. Она нахмурилась сильнее.

— Когда началось? — спросила, не поднимая головы.

Леди Ардена ответила сразу:

— Пять дней назад. Сначала жар. Мы думали, простуда после ночной охоты. Потом он начал говорить... это. Потом появился узор.

— После чего именно появился?

Молчание.

Она медленно подняла голову.

Мать смотрела на неё спокойно. Слишком спокойно.

— После второй ночи болезни.

— Что он ел? Пил? Где был перед этим? С кем встречался? Были ли раны, уколы, ожоги, ритуалы, обряды, поездки, любовницы, драки, магические тренировки?

На слове «любовницы» Тариан резко вскинул голову. Леди Ардена — нет. Только капитан стражи у двери отвёл взгляд.

Этого ей хватило, чтобы внутри холодно щёлкнуло.

— Значит, что-то было, — тихо сказала она.

— Мой брат не мальчишка, чтобы отчитываться перед женщиной, которую сюда позвали по письму, — произнёс Тариан мягко. Слишком мягко. — Он болен. Этого недостаточно?

Генерал даже не посмотрел в его сторону.

— Для моей жены — нет.

Тишина после этих слов стала острой, как стекло.

Она не стала благодарить его взглядом. Не стала вообще смотреть в его сторону. И всё же почувствовала, как по телу прошла короткая, почти болезненная волна тепла.

Не время.

Не здесь.

Она снова склонилась над больным и осторожно развернула его руку.

На внутренней стороне плеча, ближе к сгибу, кожа была чистой.

Запястья — тоже.

Под ногтями — тёмные полосы, но не грязь. Следы крови? Красителя? Она поднесла руку ближе к свету лампы.

Нет. Не кровь.

Что-то другое.

— Мне нужны горячая вода, чистые ткани, светлее лампа и все записи за эти пять дней, — сказала она. — Всё, что ему давали. Всё, что пытались делать. Всё.

— Разумеется, — ответила леди Ардена.

Слишком быстро.

Слишком легко.

Генерал отошёл на шаг, будто просто давая ей место. Но она знала: сейчас он не отошёл. Сейчас он начал смотреть на комнату, на людей, на двери, на чаши, на стол, на следы на ковре, на то, кто слишком готов, а кто слишком молчит.

Именно в такие минуты его лучше было не отвлекать.

Юноша на постели вдруг вздрогнул.

Она мгновенно вернулась к нему всем вниманием.

Пальцы под её ладонью судорожно сжались. Веки дёрнулись. Губы шевельнулись, но сначала беззвучно, будто он говорил во сне в другом, слишком далёком месте.

— Тише, — сказала она. — Слышишь меня? Не рвись.

Глаза распахнулись резко.

Тёмные.

Слишком тёмные для горячки.

И в них не было узнавания. Ни комнаты. Ни матери. Ни брата. Ни генерала. Ни её.

Он смотрел сквозь неё. Или в неё — так, что по спине побежал холод.

Потом губы его дрогнули.

И он заговорил.

Не бредом, не бессвязным набором звуков, а настоящей речью — только чужой, ломающей слух, как вода ломает отражение.

Слова текли быстро, глухо, срываясь на резкие звуки и шипящие окончания. Леди Ардена побледнела. Тариан шагнул ближе, но не к кровати — к двери. Капитан стражи сжал челюсть.

Она не понимала ни звука.

Ни одного.

Но слышала ритм.

Это был язык, не горячечная мешанина.

Больной вдруг рванулся, выгнулся, и чёрный узор на шее будто на миг потемнел, углубился в кожу.

Она прижала ладонь к его груди.

Сердце под ней билось как в клетке.

— Держите его! — бросила она.

Капитан рванулся первым. Вместе с одним из слуг навалился на плечи юноши. Тот захрипел, попытался что-то выкрикнуть — и вдруг замер.

Совсем.

Только глаза остались открыты.

И теперь смотрели прямо на неё.

Так прямо, так страшно ясно, что у неё сбилось дыхание.

Он шевельнул губами.

Сказал что-то короче прежнего.

Одно имя.

Она не поняла его смысла.

Но услышала звук.

Чужой.

Женский.

Не её.

Именно в этот момент сзади резко стало тихо.

Не в комнате — в генерале.

Она почувствовала это кожей раньше, чем успела обернуться.

Мальчик снова выдохнул это имя. Уже слабее.

Она нахмурилась.

— Что он сказал?

Ответа не было.

Только тогда она повернула голову.

Генерал стоял у самой кровати, и его лицо изменилось так, как не менялось давно. Не гнев. Не холод. Не обычная жёсткость.

Узнавание.

Слишком личное. Слишком мгновенное.

И именно поэтому по-настоящему опасное.

Она медленно выпрямилась.

— Ты знаешь это имя? — спросила она.

Он не ответил сразу.

А юноша на постели, будто исчерпав последний рывок, закатил глаза и рухнул обратно в горячечную бессознательность.

И в этой внезапной тишине стало ясно: Ларден скрывал не только природу болезни.

Ларден каким-то образом уже знал то, что должен был знать только кто-то из их прошлого.

Глава 4. Дом, где лгут все

Она медленно выпрямилась.

— Ты знаешь это имя? — спросила она.

Ответа не было.

Только жар в комнате, запах пота и горелого масла, тяжёлое дыхание юноши на постели и то новое, опасное молчание, которое вдруг поднялось между ней и генералом. Оно было не пустым. Напротив — слишком полным. Настолько, что ей на миг захотелось выгнать из комнаты всех до единого и встряхнуть его за плечи прямо здесь, над этой кроватью, где чужая болезнь уже начинала напоминать не лихорадку, а чью-то продуманную работу.

Но она не сделала ни того, ни другого.

Потому что мальчик снова провалился в беспамятство, потому что узор на его шее всё ещё оставался слишком тёмным, а пульс под её пальцами — слишком быстрым, и потому что в комнате было слишком много свидетелей, которые и без того смотрели не на больного, а на них.

Она первой отвела взгляд от генерала.

Вернулась к пациенту.

Пальцы у неё уже двигались сами — привычно, точно, почти зло. Она расправила на юноше сбившуюся простыню, прижала ладонь к груди, потом к шее, снова к запястью. Ледяная кожа на конечностях. Внутренний жар. Сухие губы. Станный запах — не пота, не обычной горячки, не металла крови. Что-то тонкое, сладковатое, с горьким хвостом, будто в комнате давно держали не просто травы, а что-то, что должно было перебивать другой запах.

— Воду, — сказала она коротко. — Холодную. И уберите из комнаты всё, что дымит.

Леди Ардена дёрнулась.

— Но лекари...

— Ваши лекари уже пять дней делают то, что не помогает, — отрезала она, не повышая голоса. — Теперь будете делать то, что говорю я.

Говорить пришлось жёстко.

Юг, как оказалось, понимал только такую интонацию.

Молчаливый капитан стражи первым повернул голову к слуге у двери. Не к хозяйке дома. К слуге. И тот выбежал, будто ждал именно команды, а не разрешения. Эту мелочь она отметила сразу же.

Как и генерал.

Она знала это, даже не глядя на него.

— Мне нужны все, кто был рядом с ним с первой ночи болезни, — продолжила она. — Все, кто давал ему еду, питьё, лекарства, кто менял бельё, кто дежурил у двери, кто был с ним на охоте. И мне нужны они не завтра и не после молитвы. Сейчас.

— Миледи, — мягко начал Тариан, — вы, кажется, забываете, в чьём доме находитесь.

— Нет, — ответила она. — Это вы забываете, чей сын сейчас лежит между жизнью и чем-то, что я пока даже болезнью назвать не готова.

Он улыбнулся.

Опять слишком вежливо.

От этой улыбки у неё внутри всё неприятно сжалось. Потому что именно так обычно улыбаются люди, давно привыкшие скрывать раздражение под хорошими манерами. И потому что взгляд у него был не испуганный, не измученный, не братский. Оценочный.

Так не смотрят на умирающего родственника.

Так смотрят на игрока, которого ещё пытаются просчитать.

— Разумеется, — сказала леди Ардена раньше, чем он успел ответить. — Вам дадут всё, что нужно.

— Начните с правды, — сказал генерал.

Он произнёс это негромко. Даже не жёстко.

Но по тому, как сразу натянулись лица в комнате, она поняла: в этом доме уже знают цену его ровному тону.

Леди Ардена перевела на него взгляд.

— Я не понимаю вас.

— Это удобно, — ответил он.

Тишина натянулась, как струна.

Она заставила себя не вмешиваться. Не сейчас. Потому что мальчик на постели всё ещё дышал слишком быстро, а жар уже снова поднимался волной — она видела это по тому, как мелко начали дёргаться мышцы у основания шеи.

Слуга вернулся с водой. Она смочила ткань, приложила ко лбу больного, к шее, к запястьям. Бесплезно как лечение — но нужно сейчас, чтобы выиграть несколько минут и не дать телу сорваться в новую крайность.

Потом взяла его руку и медленно поднесла к свету.

Под ногтями по-прежнему темнели тонкие следы. Не грязь. Не кровь. Сухой, въевшийся налёт. На подушечках пальцев — микроскопические шероховатости, будто он касался чего-то с мелкой крошкой или порошком. Только это был не порошок. Скорее пыль от старой краски, камня, высохшего состава.

Она понюхала его пальцы.

Горечь. Едва заметная.

И снова тот же сладковатый хвост.

— Это не от лихорадки, — пробормотала она больше себе, чем кому-то ещё.

— Что именно? — спросил генерал.

— Следы на руках. Он с чем-то контактировал. Недавно. Не едой. Не обычным вином. Не травами, которые заваривают на кухне.

Тариан фыркнул.

— Вы по запаху определяете заговоры?

Она подняла голову так резко, что он всё-таки сбился.

— По запаху я определяю, когда мне врут неумело.

На этот раз в комнате даже старая лекарка шевельнулась.

Не улыбнулась.

Но угол её сухого рта едва заметно дёрнулся.

Вот.

Ещё одна деталь.

Эта женщина явно не любила младшего сына дома.

И точно знала больше, чем говорила.

— Все выйдут, — произнёс генерал.

Леди Ардена замерла.

— Простите?

— Кроме моей жены, меня и вашей старой лекарки.

Это было сказано уже не как просьба и не как спор.

Как приказ.

Властный. Глухой. Привычный.

Тариан шагнул вперёд.

— Это южный дом, а не ваша северная крепость.

Именно в этот момент капитан стражи впервые заговорил:

— Господин, отойдите.

Низкий голос. Хриплый, будто им редко пользовались для слов и чаще — для команд в бою.

Тариан резко повернул к нему голову.

— Что?

— Если лорд-генерал сказал выйти, — повторил капитан, — значит, лучше выйти.

Она запомнила и это.

Младший сын не управляет домом так, как хочет показать.

Капитан признаёт не его.

Интересно.

Леди Ардена смотрела на всё это с тем же странным, сдержанным лицом. Потом медленно выдохнула и развернулась к двери.

— Тариан, — сказала она.

Одного имени хватило.

Он отступил. Но, проходя мимо неё, мазнул взглядом так, будто обещал ещё вернуться к этому разговору.

Когда дверь за ними закрылась, комната стала меньше. И честнее.

Она обернулась первой — не к генералу, к старой лекарке.

— Ваше имя?

— Иара, миледи.

— Вы лечили его с начала болезни?

— Да.

— Что вы видели такого, чего не сказали при них?

Старуха молчала несколько ударов сердца.

Потом очень спокойно ответила:

— Всё.

Она почти усмехнулась.

Вот теперь разговор становился похож на настоящий.

— Начнём с малого, — сказала героиня. — Что именно скрывает мать?

— Что не мать должна была посылать за вами, — ответила Иара.

Генерал скрестил руки на груди.

— А кто?

— Я.

Вот этого она не ожидала.

И, судя по тишине за спиной, генерал тоже.

Иара не отвела взгляда.

— Леди Ардена не верит в северных врачей. И не любит, когда в её доме появляются те, кого она не выбирала сама. Но когда мальчик начал говорить этим языком... я сказала, что либо мы зовём вас, либо к третьей ночи будем заказывать похоронное полотно.

— Тогда почему письмо подписала она? — спросила героиня.

— Потому что южный дом не унижается до признания, что испугался старой сказки.

Генерал медленно подошёл ближе.

— Какой сказки?

Старая лекарка повернула голову к юноше на постели.

— Той, где кровь дракона можно не только усилить. Но и надломить.

На секунду в комнате стало так тихо, что она услышала, как где-то в жаровне проседает уголь.

Она посмотрела на узор на шее больного.

Слишком правильный.

Слишком чужой.

Слишком похожий на письмо, которое кто-то вживил под кожу.

— Вы уже видели такое? — спросила она.

— Не так, — ответила Иара. — Но похоже.

— На что?

Иара не спешила отвечать. Посмотрела сначала на неё. Потом на генерала. И лишь потом произнесла:

— На старые южные записи, которые приличные дома хранят не в библиотеке, а под замком.

Генерал шагнул вперёд ещё на полшага.

— Где эти записи?

— В семейном архиве.

— Тогда идём.

— Нет, — сказала героиня раньше, чем он успел развернуться. — Сначала я стабилизирую мальчика.

Они оба посмотрели на неё.

Одинаково.

Слишком одинаково для двух настолько разных людей.

Она раздражённо выдохнула.

— Если это правда что-то из старых ритуалов крови, нам нужен живой пациент, а не только красивые бумаги. И мне надо понять, что с ним происходит прямо сейчас.

Генерал удержал её взгляд чуть дольше, чем было нужно.

Потом коротко кивнул.

— Что тебе нужно?

Ей понадобилось всего несколько минут, чтобы распределить роли.

Иара принесла чистые льняные полосы, уксусную воду и какой-то местный горький настой, от которого она отказалась после одного запаха — слишком сладкий, слишком густой, слишком похожий на то, чем здесь уже пытались перебивать симптом, а не лечить причину. Генерал сам переставил лампу ближе и отёрнул тяжёлую штору, впуская полоску дневного света. Свет здесь был важнее любой красоты. Она хотела видеть оттенки кожи так, как они есть, а не такими, какими их делает золотой южный полумрак.

Она осмотрела рот юноши, горло, зрачки, дыхание. Попросила воду, заставила его сделать несколько глотков, когда он на секунду приходил в себя, и почти сразу поняла: глотать ему больно, но не из-за воспаления. Слишком явный спазм. Слишком глубокий.

Потом развернула плечо, ключицу, бок, там, где шёл узор.

И замерла.

Под кожей, в самом центре чёрных ветвящихся линий, проступала крошечная точка прокола.

Едва заметная.

Будто игла или жало вошли точно туда, где потом разошлось всё остальное.

— Боги, — выдохнула она сквозь зубы. — Вот ты где.

— Что? — сразу спросил генерал.

Она показала пальцем.

— Смотри. Не пятно, не трещина кожи. Укол. Старый уже. День, два максимум до первых симптомов. Здесь что-то ввели. Или через это — запустили.

Иара медленно закрыла глаза.

— Значит, всё-таки не духи, — прошептала она.

— Какие ещё духи? — резко спросил генерал.

— Южная чушь для трусов, — отрезала героиня. — Позже. Сначала ответьте мне оба: кто мог касаться его достаточно близко? Лекарь? Любовница? Слуга, который помогает одеваться? Кто угодно, кто имел доступ к голой коже.

— На охоте с ним были двое оруженосцев, младший брат, капитан стражи и одна девушка из соседнего дома, — сказала Иара. — После охоты — только слуги и домашний лекарь.

— Домашний лекарь где?

— Уехал утром в город, — ответила старая женщина. — За редким снадобьем, которое я не просила.

Она резко подняла голову.

— Когда уехал?

— Перед вашим приездом.

Генерал тихо выругался.

Вот и ещё одна ложь под золотой крышей.

— Имя лекаря, — сказал он.

— Мевран.

— Найду, — ответил генерал так, что стало ясно: лучше бы этому Меврану не надеяться на слишком удачную дорогу.

Она приложила ладонь к груди больного снова.

Сердце всё ещё било рвано, но уже без прежнего бешеного провала. Холод в кистях чуть отступил. Этого было мало. Но достаточно, чтобы он не сорвался у неё под руками в ближайшие минуты.

— Хорошо, — сказала она. — Теперь архив.

Леди Ардена встретила их в коридоре.

Словно и не уходила далеко.

Словно всё это время стояла за дверью и слушала, сколько сможет услышать, не уронив достоинства.

— Мой сын?

— Пока жив, — ответила героиня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.